

УДК 165.24

ПОСТБИНАРНЫЕ СТРУКТУРЫ: ЖИВЫЕ ИГРЫ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ

Шоркин А.Д.

В статье отслеживается конструктивная роль бинарных оппозиций в культуре и открывается номенклатура порождаемых на их основе постбинарных структур.

Ключевые слова: бинаризм, трансформации бинарных отношений, постбинарные структуры.

Предметом исследования выступает роль бинарных оппозиций в культуре. **Цель** настоящей статьи состоит в том, чтобы в первом приближении очертить диапазон тех разнообразных постбинарных структур, которые реально развиваются в культурах на основе бинарных оппозиций.

На детский наивный вопрос «крошки сына» о том, «что такое хорошо и что такое плохо» подыскать простой и понятный ребёнку ответ оказывается для отца делом, как известно, довольно затруднительным: ему приходится отделяться дидактическими примерами. А так, чтобы этот ответ был действительно, по взрослому, насыщен и полон – делом философски глубоким, неподъёмно трудным. Вроде бы всё понятно, а применить не всегда легко, а уж коротко и ясно объяснить – тем более. Открытый этот вопрос никогда не закрыть окончательным указанием и последним словом, версии и контексты «хорошо» и «плохо» разветвляются и множатся, дробятся и размываются в неисчислимых оттенках и интерпретациях. Жизнь оказывается сложнее той простой и чёткой бинарной ориентации, которую в ней высматривают ясные глаза ребёнка.

Искомая с детства прозрачность реки жизни почти всегда замутнена сталкивающимися течениями разногласий и турбулентностями перемен. Но временами поднятые со дна вихрями тина и грязь делают видимость и вовсе нулевой. Тогда релятивизм проникает в сферы, где живут нормы, и опасно инфицирует ценности. Тогда смысложизненные ориентиры теряют былую чёткость и притягательность, а нормы расшатываются как больные зубы. Тогда маргиналы из забавной продуктивной экзотики немногих оригиналов или бессильной редкости отщепенцев становятся агрессивным началом общества, активно перемещаются из периферии – в его ядро и начинают диктовать остальным, как правильно и красиво жить.

Именно в такое смутное время «плохой видимости» мы живем сегодня. Когда-то идеологию маргинализации поддерживала софистика, теперь это делают адепты постмодернизма. «Бинаризм», которого во все времена так настойчиво доискиваются дети и мудрецы, для них является только предметом преодоления (Э. Джердайн, Э. Уилден), бинарные отношения должны быть «релятивизированы» (А.

Истхоуп), «деконструированы» (Ж. Деррида). Так почему же детское простое вопрошание о бинарности «хорошего» и «плохого» следует всё же предпочесть изошренным стратегиям отказа от такой постановки проблемы?

Общий и очевидный довод состоит в том, что именно бинарными оппозициями заданы как основы, так и особенности всех существующих и ранее существовавших культур. Конкуренция между ними состоит в жёстком отстаивании своих норм и ценностей (по принципу «свой – чужой»), а также в необходимости соответствующего (на бескомпромиссности бинарных оппозиций) воспитания молодого поколения – социализации, инкультурации своих детей. Иначе, с потерей поколения, своя культура не выживет: «что такое хорошо, а что такое плохо» детям следует внушать сызмальства.

Более частный и гораздо менее очевидный довод заключается в том, что небинарные структуры, которых и в самом деле не меньше, чем бинарных (здесь постмодернисты правы), отнюдь не антибинарны! Они, конечно, могут противостоять бинарным оппозициям, но непременно из них же вырастают, – то есть, по сути, постбинарны.

БИНАРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ОППОЗИЦИИ С «ВЫКЛЮЧАТЕЛЕМ»

Как фундаментальный метод и стратегия исходного ориентирования, бинарные противопоставления (опасно-безопасно, съедобно-несъедобно) укоренены еще в до человеческого мире животных. Без них не выжили бы ни культуры, ни звери. В этих пограничных пунктах бытия выбор зачастую получает цену жизни или смерти. Промедления и колебания могут недопустимо увеличивать риски. Если нет здесь должного – чёткого и жёсткого противостояния, – станешь беззащитным. Всякий релятивизм неуместен и опасен. Чем строже и резче выбор, тем больше шансов уцелеть. Повсеместным институтом первобытного табуирования ясно и надёжно отгораживались зоны абсолютного запрета. Необходимая предпосылка спасения христианина – это наличие твёрдой черты, которая отделяет добро от зла, добродетель от греха. Честь дворянина не может быть предметом торга или компромисса. Релятивизм здесь столь же невозможен и нелеп, как «относительно обесчещенная» женщина.

Элементы бинарных оппозиций, таким образом, могут быть абсолютны в своей высшей, алмазной твёрдости противостояния. Они даже не являются тогда результатом дихотомического деления, ибо нет такого не только реального, но и виртуального целого, в котором они могли бы быть совмещены. Они только репетируют и предвосхищают будущие дихотомии. Более того: противоположный полюс в ряде особенно важных случаев в них конституирован не конструктивно, а деструктивно, через отрицание – как отсутствие содержаний первого полюса. Зло у В. Соловьева – это только отсутствие добра, или, как сказал бы М. Хайдеггер, «зияние бытия». Главное для поддержания биологической жизни – «съедобное», все другое лишь *несъедобно*. Главная угроза жизни – опасность, все прочие ситуации – *безопасные*. В целом, пространства бытия нашей деятельности и рефлексии действительно открыты некоторыми исходными бинарными оппозициями, которые максимально жестки и в ряде случаев безапелляционно иерархичны. И если бы они всегда оставались таковыми, а к их перетасовке сводилась бы интеллектуальная и

духовная наша жизнь, то она увяла бы (здесь постмодернисты правы) от ригидности, тоталитаризма и скуки догматизма. Но, оказывается, исходные бинарные оппозиции вступают в свои тайные тихие игры, подвержены многим причудливым трансформациям.

Прежде всего, никаких альтернативных движений в соответствии с ориентиром одного из бинарных полюсов совершить попросту невозможно, пока не сделан конкретный для данной ситуации выбор в пользу одного из них. Оппозиционные установки, конечно, не отменяются (пока выбор делается), но могут быть на время отложены. Выбор между «ем – не ем» нормальным животным всегда откладывается посредством «принюхиваюсь». Оппозиция «друг – враг» в любой из культур последних тысячелетий не побуждает к действию, отключена, пока тот, о котором идет речь, «неизвестный». Альтернатива «убегаю – атакую» для волка или воина может быть временно снята посредством «стою, выжидаю». Дилемма «взять – отбросить» то и дело превращается ребенком в подобную приведенным выше мерцающим или квазитернарным оппозициям структуру посредством «игнорирую». Бинарные оппозиции противостояния, таким образом, абсолютны лишь потенциально, но актуализируются (вступают в действие и силу) не сразу и даже не всегда, а их действие предваряют квазитернарные структуры, в которые как бы «встроен выключатель».

Но настоящие приключения и преобразования начинаются для бинарных оппозиций с возникновением языковых игр.

КОМБИНИРОВАНИЕ КОННОТАТИВНЫХ ГРУПП

Дело в том, что в естественных языках полюса бинарности не могут быть заданы однозначно: смысл любого слова размыт множеством его коннотативных оттенков значений. Акцентирование любого из множества значений сдвигает смысл оппозиции, неустранимые языковые игры размягчают прежде незыблемую твёрдость субстрата оппозиции в мягкую подвижную ткань комбинаторики значений двух коннотативных групп. Ограничимся одним примером оппозиции «чёрного» и «белого».

Чёрный, как цвет, является поглощающим в оппозиции к белому – отражающему. Он же – мрак, тьма, темнота, тогда как белый здесь – это свет и сияние. «Чёрная душа» или зависть – это истолкование черноты как подлости, грязноты, злонамеренности, «белая зависть» – доброжелательна, искренна и чиста. Чёрным и белым разделяются грешное и святое, будничное и праздничное, траурное и радостное. Ангел не может быть в черном одеянии, оно у него, конечно, ослепительной белизны. «Белые воротнички» и «чернорабочие» манифестируют социальную страту и квалификационный уровень работника. «Ты полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит». Когда Павел Иванович Чичиков говорил такое генералу Бетрищеву, он и предположить не мог, что эта же фраза в устах его правнучки, которой надоело осветлять волосы, может настолько профанировать ту глубокую оппозицию и драму ненавидящей любви, о которой размышлял его создатель Гоголь.

Обычные пояснения подобного расщепления оппозиционных смыслов заключаются в том, что (1) слова употребляются нами не только в «прямом», но и в

«метафорическом» смыслах, и что (2) разные трактовки слов возникают вследствие и в ходе коммуникаций людей. Выходит, абстрагированная бинарная оппозиция – сама по себе, взятая вне коммуникативных взаимодействий и освобожденная от произвольности метафоры, все же «пряма», строга и однозначна. Но разве этимологические и толковые словари уже не содержат коннотатов как опыта прежних коммуникативных языковых игр, и разве среди обилия коннотатов уже не прячутся механизмы порождения метафор? Пытаться в поле естественных языков абстрагироваться от коммуникативных взаимодействий столь же бессмысленно, как бесполезно стараться с хирургической точностью ампутировать прямой смысл слова от метафорического. Тем более, безнадёжны попытки игнорировать разнообразие коннотативных оттенков так называемого «прямого», но отнюдь не единственного смысла любого слова. И когда это, например в бюрократических дискурсах, отчасти удаётся сделать, то там умирает поэзия, вянет и засыхает язык.

Неизбежные процессы фактического комбинирования в постановочной рамке бинарной оппозиции элементов двух её коннотативных групп в итоге сопрягает её с некоторым порожденным такими процессами множеством виртуальных версий. Так исходная бинарная оппозиция противостояния вовлечена в языковые игры с намёками и с тайными или вторыми смыслами, с необязательным соскальзыванием значений, с временными отклонениями, превращениями и возвратами.

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ

Постбинарные структуры, продуцируемые из исходного бинарного противостояния, уже существовали в самых архаичных культурах. Как известно, механизм этого продуцирования применением структурного анализа был усмотрен в процедурах «медиации» – введении третьего, промежуточного элемента, который (1) опосредует исходные элементы бинарной оппозиции, (2) меняет один из них и (3) сближает их друг с другом.

К. Леви-Строс и его последователи убедительно продемонстрировали этот древний метод порождения постбинарных структур на огромном фактическом материале. Медиаторами между живым и мёртвым, например, могут оказаться ворон, шакал или койот, небесное и земное опосредованы сажей, туманом или радугой, а очаг или огонь – способны соединить сырое и приготовленное. Когда в исходную бинарную оппозицию «уничтожения» и «порождения» вводится медиатор «женщина», то базовая функция «порождения» трансформируется в «опеку», которая теперь ближе к полюсу «уничтожения», потому что «женщина» и опекает своих детей, но в случае необходимости, по обыкновению того сурового времени, кого-то из них может и лишит жизни.

Эта архаичная логика медиации может показаться странной и давно отжившей лишь на первый взгляд. Конечно, в настоящее время в подавляющем большинстве культур миф лишен былого первобытного господства, и древние мифы уже с Нового времени воспринимались, как тогда говорили, «просвещёнными народами» лишь снисходительно и отстраненно – в качестве фольклора или нелепицы. В современных культурах миф, действительно, перестал быть тотальным, все контролирующим и вездесущим. Но он вовсе не исчез! Просто с каждым новым временем приходят новые, другие мифы. Они теперь охватывают не всё, имеют

более локальный характер, и с гораздо меньшей настойчивостью выставляются на всеобщее обозрение. Но они есть везде, во всех сферах культуры. И в них эффективно действует всё тот же, старый механизм порождения постбинарных структур посредством медиации.

Примерами мифологем в науке являются идеальные объекты фундаментальных теорий. Привычное со школьной скамьи понятие «материальной точки», присмотримся к нему, абсурдно: как может нечто, не имеющее размеров, обладать массой?! Она-то в качестве фундаментального объекта классической механики и исполняет роль медиатора между общепринятыми тогда, от Декарта, элементами бинарной оппозиции – материальным (как протяженным) и идеальным (как обладающим способностью мыслить). В соответствии с давней традицией, данный, теперь – «научный» медиатор их сближает, а один из членов оппозиции – материальное – меняет значение: «мерой количества материи» объявляется масса.

Примером одной из многих политических мифологем может служить сегодняшняя позиция украинских националистов. Прежняя классическая бинарная оппозиция восприятия статуса украинского этноса «независимость – угнетение» техникой политической медиации ныне трансформирована в постбинарную структуру: «независимость – донецкие (партия регионов) – внешняя вражеская угроза (рука Москвы)».

ИНВЕРСИОННЫЕ СТРУКТУРЫ МИФА

Техника медиации совместно с операциями инверсирования, гипостазирования и развоплощения, согласно Леви-Стросу, вообще порождают всю скрытую универсальную «механику» мифотворчества. В любом мифе изначально действуют два разных персонажа, один из которых выполняет деструктивную функцию, а другой – позитивную. Затем первый инверсируется в собственную противоположность, а также развоплощается: превращается из вещи в новую, третью функцию. Одновременно функция второго персонажа гипостазируется в новое действующее лицо, которое и начинает выполнять эту новую третью функцию. На основе изучения огромного количества мифов Леви-Строс в 1955 году вывел их эту общую, «каноническую», как он её называет, формулу:

$$F_x(a) : F_y(b) :: F_x(b) : F_a \text{ inverse } (y)$$

В ней a и b – это первоначально действующие персонажи с их функциями F_x и F_y , а y – новый гипостазированный персонаж, который выполняет новую функцию, образованную инверсированным a . Знаком ($:$) автор обозначает отношение, а знак ($::$) он использует для обозначения «так же, как...», то есть подобия или эквивалентности двух отношений [5, с. 205].

Например, в мифах индейцев хиваро такую систему образуют ревность (включающая в себя тогда также жадность и прожорливость), гончарство (как один из медиаторов между природой и культурой) и птица Козодой (алчная, и которая даже гнезда себе не вьёт). Производство горшков – женское дело, а альтернативой, инверсным значением Козодоя является птица Пекарь, которая заботлива и строит замечательные глиняные гнёзда. Исходное соотношение ревнующего Козодоя и женщины-горшечницы в мифах хиваро, таким образом, вполне в соответствии с

формулой Леви-Строса, трансформируется в ситуацию с ревнующей женщиной и горшечницей, которая умела и заботлива как Пекарь [4, с. 192-197].

Если к правой части формулы последовательно применять те же операции инверсирования, развоплощения и гипостазирования, которые ранее успешно были применены Леви-Стросом к первой, то можно получить более длинную цепочку продуцируемых мифами эквивалентных состояний. Одна из таких линий инверсионных структур нами была ранее отслежена [10, с. 36-40]. Вовсе не исключено, что получив полный перечень таких возможных эквивалентных структур, мы тем самым располагали бы универсальной матрицей мифологических классификаций, объяснений и предсказаний, подобной системе гексаграмм И-цзина. Но Леви-Строс лишь однажды и в примечании, столкнувшись с одной из возможных таких структур, обращает внимание на то, что его «формула предстает здесь в одной из своих трансформаций» [4, с. 264].

В работах исследователя вскрытые им методы построения постбинарных оппозиций получили иное, но, следует признать, разнообразнейшее применение, в результате чего его «структуральный», по выражению автора, подход был апробирован на самом широком диапазоне материала. Он устанавливает факты применения разного «вида инверсий», «типы чувственного и визуального кодирования», строит сводные «тематические таблицы» мифов, «таблицы» смысловых оппозиций и их трансформаций, «схемы» и «системы связей» функциональных симметрий и вариаций значений. На основе бинарных противопоставлений, инверсий и постбинарных медиаций Леви-Строс раскрывает особенности синхронизаций и диахронных разверток, мифологических типологий и классификаций. С техниками медиации или гипостазирования связанными оказываются «интерлюдии» к правилам возникновения дискретностей из непрерывностей, с постбинарными оппозициями и инверсиями – типы поведения и эротики. Он фиксирует тонкие связи мифов посредством «хиазмов», выстраивает симметричные конструкции «материи кухни», увлекает историями о медиационных приключениях мёда, табака или «учтивого ягуара» [2, с. 5].

В итоге безнадежно, казалось бы, запутанные клубки смыслов многих сотен мифов, их неустранимую многозначность, которая причудливо мерцает в непрекращающихся их «колебаниях между символическим и воображаемым», ему почти всегда удается распутать. Миф предстает как разнородная целостность, характерная «внутренней связностью»: живой игрой бинарных противопоставлений, обилием постбинарных инверсионных структур.

РАДИКАЛИЗМ НЕВИКАЛЬПИЧНОСТИ

Одной из самых лучших и наглядных иллюстраций живой игры бинарных оппозиций является широко известное изображение диаграммы Тай Цзи. В ней Ян и Инь не только образуют подвижную конфигурацию, но сердцевина Ян затенена Инь, а из центра Инь проблескивает Ян. Эти бинарные противоположности слиты и стёрты лишь тогда, когда движения нет, и немедленно разъединяются с началом перемен, разделяются подобно «полюсам электрической батареи» [9, 21]. Так они только и могут дать энергию движения, – но с тем, чтобы позже опять слиться и

утонуть в глубинах Дао или расцвести причудливыми узорами постбинарных структур Тай Цзи.

В буддийской традиции эта неустраняемая бинарность мышления (которая, собственно, заложена уже самим актом мышления – как мышлению о чем-то именуется «vikāra» и противопоставлена мистической радикальной стратегии «антивикальпы», избавления от дихотомий [8, с. 70; с. 351-352]. Постичь дзен – значит «окупнуться в мир не-дуальности» (Дайсэцу Т. Судзуки) [7, с. 8]. Но освободиться из пут бинарных оппозиций оказывается невозможным, если не отказаться вообще от всяких понятий! Согласно общепринятому там принципу «независимости от слов и символов», они – только «затемнения» и «грязь» на пути к «просветлению».

Тонкий знаток, переводчик и комментатор дзен Р.Х. Блайс называет один из случаев (XXI из XLVIII классических коанов) «любимым»: тот, в котором великий мастер дзен Уммон отвечает монаху, что Будда – это палочка-подтирка [7, с. 171]. На дальнем востоке палочками не только едят, но также использовали их тогда, в X веке, для удаления экскрементов. В коллективных уборных бедняков для этого предназначалась одна общая длинная палка, у богатых они были персональными и похожими на лакированную лопатку. Поэтика «хлопка одной ладони» и торжественность «Дао – это молчание» здесь органично дополнены совмещением Будды с палочкой-подтиркой: патриарх дзен Уммон сквернословит и намеренно шокирует «грязностью» образов и слов. А «если глаз души хотя бы на мгновение затуманивается эмоциональными или интеллектуальными предрассудками, он находит палочку для подтирания отвратительной, недостойной нашего внимания – и тогда Будда потерян» [7, с. 175].

Последовательный радикализм невикальпичности, как видим, вводит нас в ситуацию абсурда, вообще обесценивая слова, лишая нас языка и познания: нет оппозиций и дихотомий – стираются смыслы, гаснут символы и затухает всякая речь.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ УСЕЧЕНИЕ

Современная постмодернистская атака на «бинаризм» далеко не так радикальна и отчасти даже оправдана (хотя и избыточна). Она является, главным образом, реакцией на возникновение науки, в которой некоторые понятия обыденного языка с их облаком и шлейфом коннотатов превращены в термины с жёстко фиксированным значением, однозначным смыслом. Отсечённые в дискурсах науки (прежде всего, в естествознании) множества коннотативных оттенков, действительно, теперь не могут вступать в игры комбинирования, порождающие постбинарные структуры. Но значит ли это, что терминологические оппозиции застыли здесь в мертвом противостоянии?

Методологической предтечей рефлексий по этому поводу являются апории Зенона. Они, на первый взгляд, вполне по постмодернистски демонстрируют риск тупиков, в которые могут завести наши рассуждения жёсткие бинарные оппозиции. Но только за ними у Зенона – метафизика элеатов, без которой его апории – лишь забава и насмешка. Главный же их вызов для философии науки состоит в постановке задачи построения моделей аналитических пространств, любое из

которых состоятельно и правомерно лишь в некоторых, ясно очерченных границах, за которыми терминологические оппозиции теряют или меняют смысл. Такие модели смогли быть предложены (например, Т. Куном, И. Лакатосом) спустя тысячелетия, вместе со зрелой наукой и её методологической рефлексией.

Вопрос об уместности и ограниченности терминологического бинаризма, о средствах и путях перехода к новым аналитическим пространствам, однако, нельзя считать решённым. Он относится к наиболее глубоким проблемам, и, скорее всего, сопряжен с существенной перестройкой многих привычных понятий и принципов гносеологии. Возможно, аналогично вопиющему отсутствию в общепринятых теориях познания категории «правды», в известных моделях развития науки и в методологических пробах построения области применения теории пока отсутствуют ключевые, ещё не найденные понятия. Но нелепо пытаться отменить термины из спекулятивных и идеологических соображений! Без них, без их жёсткого бинаризма не будет не только современной науки, но никогда не было и нет ни одной культуры в целом.

Деонтологическая сфера любой культуры зиждется на однозначно строгом различении нормы и деривации. Граница между ними везде проведена с отчетливой и резкой непреклонностью: её можно лишь *преступить*, и нарушитель (табу, закона) именуется *преступником*. В когнитивном плане на любое суждение всегда ставится клеймо или проба, одна из альтернативных отметин – «истина» или «ложь». В сфере аксиологии всегда и везде царит дихотомия добра и зла. Предмет культурологии изначально, как видим, конституируется в научном дискурсе именно таким, терминологическим и бинарным способом. Другое дело, что этот исходный жёсткий метод конституирования затем дополняется многими способами построения иных, более мягких и разнообразных постбинарных структур.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЕТВЛЕНИЯ

Высокая проба «истины» какого-либо суждения, казалось бы, предполагает печальную участь клейма «лжи» на всех других суждениях об этом же предмете. На самом деле это не так: ни истина, ни ложь не могут существовать вне определенных контекстов, которые смягчают и разветвляют исходную оппозицию.

По отношению к истине данное обстоятельство весьма банально, широко известно в эпистемологии как «принцип конкретности истины». В отношении лжи это менее тривиально, хотя её контекстуальность сильнее и заметнее. Даже когда истина твёрдо взята в определенном и на данный момент единственном контексте, и о противостоящем ей суждении мы уверенно говорим «то, что он сказал, неверно», то данная наша фраза допускает два исходные контекстуальные ветвления: «он заблуждается» и «он лжёт». Второе, подразумевается, хуже первого, за «заведомо ложные показания» предусмотрена даже правовая ответственность. Но и умышленная ложь (её следующее ветвление) может быть извинительной, когда показания даны под давлением, угрозами или пытками. В таком случае она может способствовать поиску истины – важно, кому выгодна эта вынужденная ложь. Заблуждения, подразумевается, всегда искренни, а их палитра ещё разнообразнее. Они могут быть связаны с умышленной дезинформацией заблуждающегося или с его недостаточной информированностью, с невольными неточностями измерений

или расчётов, с разгильдяйством вспомогательного персонала, опечатками и ошибками переписчиков, с техническими сбоями. Заблуждаться можно в частностях, в деталях, либо принципиально и стратегически – тогда глубина заблуждения достигает парадигмального уровня. И разве мы в поисках и отстаивании истин (в науке ли, в обыденной жизни или в суде) не сталкиваемся с этим реальным разнообразием контекстуальных ветвлений «неверного»? Разве не стараемся преодолеть то или иное заблуждение и разоблачить ложь, и разве не через пробы, попытки и заблуждения только и могут прорасти и крепнуть наши гипотезы об истинном?

КОНТИНУАЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ

Данный способ образования постбинарных структур с наибольшей прямотой и очевидностью применён в концепциях многозначной истины и в вероятностных моделях предвидения. Суть его состоит в том, что противостоящие полюса бинарной оппозиции опосредуются не одним каким-то из медиаторов, а, одновременно, многими, число которых не ограничено.

В трёхзначной логике между двумя каноническими значениями истинности («истинно», «ложно») встроено её «неопределённое значение». Или, в численных символах, медиатором между единицей и нулём встроено 0,5, что можно трактовать как «шут его знает». Если вероятность события 0,5, то у нас в точности столько же оснований считать, что оно наступит, сколько предполагать, что оно не состоится. Аналогично, любая дробь между нулём и единицей (включая иррациональные числа) в многозначных логиках означает то или иное «значение истинности», а в вероятностных предсказаниях – меру нашей уверенности. Только теперь таких возможных позиций не три, а много, сколько угодно.

От ступенек состояний и оценок (которые уже резко расширяют традиционные техники одного медиатора и двух полюсов бинарной оппозиции) этим путём нетрудно перейти к непрерывной гладкости их вариативности. Возможности такой континуальной медиации, однако, скорее всего, окажутся избыточными: в синергетической картине мира возможные состояния объектов представлены всё же дискретным набором их аттракторов, а открытые современной наукой константы и предполагаемые параметры порядка упрямо ограничивают непрерывность множеством сценариев, которые мы в состоянии предвидеть.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ТРИАДА МЕТАФИЗИКИ

Умозрительные спекуляции относительно триады «тезис – антитезис – синтез» обширны, тонки, а также популярны настолько, что сродни азбуке для философа. Часто этой триаде придавалось большее значение для науки и нашего мышления (абсолютно универсальное и онтологически глобальное), чем она, как выяснилось, имеет на самом деле. Но в контексте противопоставления так называемой «диалектической логики» – «формальной» (излишне, на наш взгляд, пылкого и непристойно спекулятивного) без труда прослеживается, однако, нужная для нас идея о постбинарном характере знаменитой триады.

Бинаризм тезиса и антитезиса, прежде всего, специфичен их скрытой преемственностью – диалектическое отрицание характерно удержанием и сохранением «положительных моментов» содержания тезиса. Далее последующее «отрицание отрицания» и «снятие» исходной оппозиции в синтезе на время превращает бинарную оппозицию – в тернарную, которая, однако, так проявив себя, тут же исчезает, уступая место новому бинаризму достигнутого синтеза и его формирующегося антитезиса.

Всё это на структуры мифологической медиации совсем не похоже. Хотя тезис и сближает исходные полюса, но он – отнюдь не прежний медиатор, потому что здесь сближение приводит к конструктивной катастрофе их поглощения и слияния. И всё повторяется вновь и вновь, по той же схеме, но с новыми смыслами и значениями: тезис одинокой смысловой вспышки, бинаризм маяков тезиса и антитезиса, тернарная конструкция высветляющих значений, угасание прежних маяков в сиянии смысловой вспышки синтеза, которому, однако, недолго остаётся быть новым одиноким тезисом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ

К постбинарным структурам относится и отношение, которое от Нильса Бора в современной философии науки принято именовать «дополнительностью». Описания электрона как частицы и как волны равноправны и дополнительные, доказывал он А. Эйнштейну в течение десятилетий. И хотя Эйнштейн этого так и смог принять, принцип дополнительности для современных учёных (в основном благодаря широкому его обсуждению в связи с методологическими проблемами физики) привычен и тривиально правилен.

В гуманитарном знании, в культурологии без него, например, бессмысленны такие фундаментальные понятия, как «субкультура» и «норма», «маргинальность» и «толерантность». Конечно, нормы всегда вводятся жёстко, в бинарном противостоянии к их преступлению, но за кощунственно преодолённым частоколом табу царит вовсе не пустота, не вакуум, а расположено пространство иной нормы. Твёрдость ценностных ориентиров всегда дополнена разнообразием и конкретикой контекстов их востребованности и применения. Именно поэтому культуры способны раслоиться на субкультуры, нормы сопряжены с зыбким полем их маргинальных дериваций, и всё это постбинарное разнообразие может сохранять хоть какое-то приемлемое равновесие посредством толерантности.

Странный для естествоиспытателей XX века постбинарный характер дополнительности, похоже, в древности таковым совсем не казался. В системах некоторых логик что-либо – вещь или предмет мог быть «то», «это», «и то, и это», «ни то, ни это». Примерно таким же образом мы говорим сегодня об электроны. В школе джайнизма, аналогично, считались нормальными следующие типы суждений: «некоторым образом S есть P», «некоторым образом S не есть P», «некоторым образом S есть P, а также не P», а также «некоторым образом S неопределимо». Расхожее выражение обыденной нашей речи «ни то, ни сё» – вполне в духе дополнительности. Точный и чуткий к слову Н.В. Гоголь именно так, в стилистике и логике дополнительности, пишет о людях, которые «имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет ни неба ни бури, ни солнца, а

бывает просто ни сё, ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов» [1, с. 117].

Чтобы получить нужную отчётливость изображения, действительно, нужно возвратным движением вращать окуляр прибора наблюдения от одной размытости – до другой или, наоборот, мы способны уловить ускользающее нечто, ради чего мы всё это затеяли, только как расфокусированное пятно между двумя чёткими, но заведомо недостаточными образами. Постбинарная дополнительность позволяет то ли ясно увидеть искомое в сбивающем с толку и с резкости ореоле бинарных противопоставлений, то ли, напротив, обнаружить его как загадочное и трудно выразимое смутное уплотнение в смысловом провале между этими четкими бинарными крайностями. Всё зависит от настройки прибора. Дискуссии о том, как его лучше настроить, и составляют методологическую рефлексию отношения дополнительности как одной из многих постбинарных структур, востребованных дискурсивными практиками науки и жизни.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБМЕНЫ

Начиная от Ж. Бодрийяра, понятие «символических обменов» в постмодернизме традиционно считается эффективным средством преодоления субъект-объектного бинаризма. Деконструкция Ж. Деррида – это «смерть субъекта», обмены субъекта и символов его присутствия принципиально неэквивалентны, ассиметричны и многолики. В объектах невозможно выпутаться из кружева сплетений знака и товара, где они, согласно Ж. Бодрийяру, перестают быть различимыми. «Симуляции», «искупления» и «релятивизации» полагаются антибинарными формами символических обменов.

Феномен самодвижения семиотических сред понимается как «хора», которая превращает движущуюся предметность в «сад расходящихся тропок» Х.Л. Борхеса или «лабиринт» Умберто Эко, в «ризому» Делёза и Гваттари, в «перекрёстки» Фуко или Барта. Наряду с близкими по смыслу концептами («решётки», «хиазма», «плетёнки», «развилки», «сети») все они призваны ассимилировать в гуманитарном дискурсе глубокие идеи синергетики, которая первоначально получила свою разработку в естествознании. Каскады бифуркаций действительно задают версификации эволюционных перспектив движущейся предметности (что, согласно Деррида, является главным для хоры). Однако эти пульсационные версификации направлений и форм семиотических сред вовсе не свободны от многих якорей референции! Постмодернистская презумпция «пустого знака», конечно, облегчает жизнь исследователю, но разве этого достаточно для её безусловного принятия? Свободное плавание семиотического корабля – только средство, по прибытию в пункт назначения он непременно бросает референционный якорь. «Семиотический диспозитив» порождения семантических вариаций языка бесспорно, здесь Кристева права, существует и действует, но почему его следует полагать только имманентным самодвижением текста? Чем субъект то здесь мешает? И разве не этими нежеланными субъектами этот диспозитив был когда-то создан, а теперь пополняется?

Вопреки претензиям, символические обмены и хора отнюдь не отменяют феноменов колебательных операций бинаризма и даже мало ему противостоят. Их

реальный постбинарный характер отчасти (если учесть, что постмодернизм вырос из феноменологии или, по меньшей мере, был бы без неё невозможен) иллюстрирует неожиданное и решительное неприятие Мерло-Понти декартовской модели видения как ощупывания.

Понятно, что интенциональность и «мыслящее тело» решительно несовместимы с идеологией картезианского дуализма. Но то, что слепые, как говорил Декарт, «видят руками» – факт совсем из иной сферы, от дуализма не зависящий и к тому же надёжно установленный. Физиологи экспериментально зафиксировали микродвижения глаз, которые буквально перебирают лучи света, отражённые от предмета, и только таким, мышечно-двигательным способом образ предмета накладывается на наблюдаемый предмет. Психологи показали, как младенец учится видеть, ощупывая и передвигаясь; даже собственное Я формируется у него с осязательно обнаруживаемыми границами собственного тела. Почему же в своей последней завершённой работе тонкий знаток живописи и глубокий мыслитель отбрасывает (вместе с заведомо неприемлемым для него дуализмом) без каких-либо вразумительных аргументов также и эту хорошо зарекомендовавшую себя модель, которая, казалось бы, совсем неплохо вписывается в авторскую концепцию «феноменологического тела» [6, с. 24-39]?

Как мы иногда движемся ощупью – буквально, в темноте или в переносном смысле, в постижении неведомого, – так слепой, но только всегда, ощупывает своей палочкой нужный ему путь. Вот здесь его палка вновь и вновь легонько постукивает о стену, вдоль которой он идёт, но вот – нет стука, палочка провалилась в пустоту: здесь конец стены, нужно поворачивать за угол. Первостепенно важен бинаризм – есть касание или нет его! Все другие уточнения, версификации смыслов, обмены значений и символов, конечно, тоже могут быть очень значимы, но они лишь вторичны, постбинарны. Вместе с картезианской моделью, таким образом, пришлось бы принять разоблачаемую нищету и догматику тоталитарного иерархического бинаризма, являющегося главным предметом преодоления метафизики постмодерна. Что ж, тем хуже для модели.

Выводы. В заключение вновь зададимся вопросом: перестали ли ныне бинарные оппозиции играть прежнюю роль несущих осей организации мыслительного пространства, на чём настаивают представители постмодерна? Пытаться изъять их из дискурсов культуры – значит лишить её исходных смысложизненных ориентиров. Без оппозиции разрешённого и запрещённого стирается пространство нормативности, отношения добра и зла конституируют ценностную сферу, на преодолении заблуждений и стремлении к истине основано любое знание. Запреты на антонимы только карикатурны и деструктивны, с их исчезновением умер бы любой естественный язык.

Другое дело, что с установлением этих начальных фундаментальных ориентиров бинарные оппозиции тут же вовлекаются в разнообразные «живые игры» – в трансформационные процессы порождения постбинарных структур, правила которых то и дело причудливо разнообразятся человеческой изобретательностью. Незавершённую номенклатуру таких постбинарных структур мы и представили читателю. Бинарные оппозиции способны раскрыть свою суть и возможности применений лишь посредством порождённых ими же, в ходе неустрашимых и дерзких их игр, постбинарных структур.

Список литературы

1. Гоголь Н.В. Портрет. Собрание сочинений в семи томах / Гоголь Н.В. – М.: Художественная литература, 1966. - Т.3 – 352 с.
2. Клод Леви-Строс Сырое и приготовленное / Мифологики. В 4-х тт. // Клод Леви-Строс. - М.; СПб.: Университетская книга, 1999. - Том 1. – 406 с.
3. Клод Леви-Строс От мёда к пеплу / Мифологики. В 4-х тт. // Клод Леви-Строс. - М.; СПб.: Университетская книга, 2000. - Том 2. – 442 с.
4. Леви-Строс К. Путь масок / Клод Леви-Строс – М.: Республика, 2000. – 399 с.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология / Клод Леви-Строс. – М.: Политическая литература, 1985. – 464 с.
6. Мерло-Понти М. Око и дух / Мерло-Понти М. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
7. Мумонкан Застава без ворот. Сорок восемь классических коанов дзэн с комментариями Р.Х.Блайса / Мумонкан ; пер. с яп. А. Мищенко ; коммент. Р. Х. Блайс. - СПб. : Евразия, 2000. - 352 с.
8. Рыскельдиева Л.Т. Деонтология в истории философии / Рыскельдиева Л.Т. – Симферополь: Таврия, 2004. – 384 с.
9. Чжоу Цзунхуа Дао И-Цзина / Чжоу Цзунхуа. – К.: «София», Ltd., 1996. – 368 с.
10. Шоркин А.Д. Схемы универсумов в истории культуры: опыт структурной культурологии / Шоркин А.Д. – Симферополь: Редотдел Крымского комитета по делам печати и информации, 1996. – 214 с.

Шоркін О.Д. Постбінарні структури: живі ігри бінарних опозицій // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 8-20.

У статті відстежується конструктивна роль бінарних опозицій в культурі і відкривається номенклатура породжуваних на їх основі постбінарних структур.

Ключові слова: бінаризм, трансформації бінарних відносин, постбінарні структури

Shorkin A.D. Postbinary structure: lively game of binary oppositions // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol.24 (63). – № 3-4. – P. 8-20.

The article tracks the constructive role of binary oppositions in culture and open nomenclature generated on the basis of their postbinary structures.

Keywords: binarizm, transformation of binary relations, postbinary structure

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.